

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-65-75

EDN: XDIINB

ВОЗВРАЩЕНИЕ “ТАЛИБАНА”¹ К ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2025 г. Р.Б. Махмудов

МАХМУДОВ Рустам Баходирович, доцент,
ORCID 0000-0002-1030-2200, rmaxmudov@uwed.uz
Университет мировой экономики и дипломатии, Республика Узбекистан, 100007 Ташкент,
пр-т Мустакиллик, 54.

Статья поступила 20.01.2024. После доработки 02.10.2024. Принята к печати 29.11.2024.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос формирования новых вызовов и угроз для системы региональной безопасности в Центральной и Южной Азии после возвращения к власти движения “Талибан” в августе 2021 г. В их числе — активная политика талибов по строительству связанного с Амударьей канала “Куштепа” на севере Афганистана без согласования со странами ЦА, что ставит под угрозу водную, экологическую и продовольственную безопасность обширных пространств в Туркменистане и Узбекистане. Вызовом становятся возникшие после 2021 г. осложнения в отношениях “Талибана” с Пакистаном, в основе которых лежат противоречия вокруг не признаваемой Кабулом линии Дюранда, пересекающей территорию проживания многих пуштунских племен и родов по обе стороны афганско-пакистанской границы. Раздражителем в афганско-пакистанских отношениях стала активизировавшаяся после образования Исламского Эмирата Афганистан террористическая деятельность группировки “Техрик-е Талибан Пакистан” (ТТП)², приводящая к многочисленным жертвам среди представителей пакистанских силовых структур и мирных жителей. Исламабад обвиняет Кабул в укрывательстве боевиков ТТП на своей территории, что опровергается последним. В долгосрочной перспективе вызовом, в первую очередь для светской Центральной Азии, может стать антимодернистская политика “Талибана”, способная оказать влияние на нарастающие постсекулярные тренды в странах, расположенных севернее Амударьи.

Ключевые слова: “Талибан”, Центральная Азия, канал “Куштепа”, река Гильменд, линия Дюранда, “Техрик-е Талибан Пакистан”, исламский фундаментализм.

THE RETURN OF THE TALIBAN TO POWER AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THREATS AND CHALLENGES TO REGIONAL SECURITY

Rustam B. MAKHMUDOV,
ORCID 0000-0002-1030-2200, rmaxmudov@uwed.uz
University of World Economy and Diplomacy, 54, Ave. Mustakillik, Tashkent, 100007, Republic of Uzbekistan.

Received 20.01.2024. Revised 02.10.2024. Accepted 29.11.2024.

Abstract. The article addresses the issue of the emergence of new challenges and threats to the regional security system in Central and South Asia following the return to power of the Taliban movement in August 2021. Among them is the Taliban’s active policy in constructing the Qoshtepa canal related to the Amu Darya in northern Afghanistan without coordination with the Central Asian countries, posing a threat to the water, environmental, and food security of extensive areas in Turkmenistan and Uzbekistan. The complicating factor is the deterioration of relationship between the Taliban and Pakistan after 2021, rooted in contradictions surrounding the Kabul-non-recognized Durand Line, which divides the territory inhabited by many Pashtun tribes and clans on both sides of the Afghan-Pakistani border. An irritant in Afghan-Pakistani relations has been the increased terrorist activities of the Tehrik-e-Taliban Pakistan (TTP) following the establishment of the Islamic Emirate of Afghanistan, which has resulted in numerous casualties among Pakistani security forces and civilians. Islamabad accuses Kabul of harboring TTP militants on its territory, a claim refuted by the latter. In the long term, a challenge, primarily for a secular Central Asia, may be the Taliban’s anti-modernist policy capable of influencing the growing post-secular trends in countries located north to the Amu Darya.

¹ Организация запрещена на территории РФ.

² Организация запрещена на территории РФ.

Keywords: Taliban, Central Asia, Qoshtepa canal, Helmand River, Durand Line, Tehrik-e Taliban Pakistan, Islamist fundamentalism.

About author:

Rustam B. MAKHMUDOV, Associate Professor.

ВВЕДЕНИЕ

Возвращение движения “Талибан” к власти в Афганистане в августе 2021 г. оказало огромное влияние на процессы в Центральной и Южной Азии. Если в период с 2001 по 2021 г. баланс сил в этих регионах складывался исходя из американского военного и геополитического присутствия, значительной западной финансовой помощи Кабулу, то после ухода США и коллапса афганского правительства и силовых структур он кардинальным образом поменялся.

Установление власти исламистских фундаменталистов, коими являются талибы, вызвало неоднозначную реакцию в регионе. Если Узбекистан, Туркменистан и Пакистан довольно спокойно отреагировали на приход “Талибана”, то Казахстан, Кыргызстан и Иран на первоначальном этапе проявили достаточно серьезную обеспокоенность изменением ситуации в Афганистане. Наиболее острую реакцию продемонстрировал Таджикистан, где дело чуть не дошло до открытых боевых действий с талибами.

Между тем спустя три года нахождения у власти талибов можно констатировать, что какого-либо коллапса в Центральной и Южной Азии все же не произошло и фактор Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) постепенно становится устойчивым элементом в процессах формирования региональной безопасности, развития торгово-экономических и транспортных связей. В то же время это не означает, что ситуация в Афганистане больше не порождает никаких серьезных вызовов для региона. Скорее, можно говорить о том, что талибы изменили структуру безопасности в регионе, создав новые типы угроз и вызовов, некоторые из них, по всей видимости, носят долгосрочный характер и должны отныне учитываться соседними странами в их стратегическом планировании.

ВОДНАЯ ПОЛИТИКА ИСЛАМСКОГО ЭМИРАТА

Первый масштабный вызов, порождаемый новым Афганистаном, — это вызов водной безопасности Центральной Азии. В марте 2023 г. движение “Талибан” приступило к строитель-

ству канала “Куштета”, огромного гидротехнического сооружения, предназначенного для доставки воды из Амударьи в три северные провинции Афганистана — Балх, Джаузджан и Фариш. Протяженность канала составит 285 км, ширина — 100 м, глубина — 8.5 м. По различным оценкам, канал должен будет забирать от 20 до 30% стока Амударьи, который пойдет на орошение 550 тыс. гектаров земли [ист. 1].

Начав строительство канала, талибы поставили регион перед фактом. Ситуацию осложняет то, что власти ИЭА не имеют статуса легитимного актора международных отношений. Кроме того, исторически Кабул никогда не являлся участником Алматинской декларации 1992 г., которая призвана регулировать использование воды в регионе, а также Конвенции ООН по водным ресурсам 1992 г. с участием Казахстана, Туркменистана и Узбекистана [ист. 2].

Вместо диалога со странами региона талибы заявили, что получение доступа к водам Амударьи является их законным правом. Позиция движения была озвучена исполняющим обязанности заместителя премьер-министра муллою Абдул Гани Барадаром на встрече со специальным представителем президента Узбекистана по внешней политике Абдулазизом Камиловым, состоявшейся 22 марта 2023 г. в Кабуле. По его словам, Афганистан имеет право на воду из реки Амударьи “в соответствии с международными нормами и с полным учетом привилегий и прав Афганистана”. При этом он заверил, что завершение проекта канала “Куштета” укрепит двусторонние отношения Афганистана и Узбекистана [ист. 3].

После некоторого молчания в центрально-азиатских государствах на официальном уровне свою обеспокоенность ситуацией высказал президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев. В ходе выступления на саммите лидеров государств — учредителей Международного фонда спасения Арала 15 сентября 2023 г. в Душанбе он заявил следующее: “По сути, в нашем регионе появился новый участник процесса водопользования, который не связан с нашими странами какими-либо обязательствами. Вы хорошо знаете, что афганская сторона ведет активное строитель-

ство канала. Его ввод может кардинально изменить водный режим и баланс в Центральной Азии”. При этом он подчеркнул, что Афганистан не имеет обязательств в отношении стран ЦА по водопользованию рекой Амударья. Узбекский президент предложил сформировать совместную рабочую группу, задачей которой должно стать изучение строительства “Куштепы” и его влияния на водный режим в Амударье. Он также предложил рассмотреть вовлечение Афганистана в региональный диалог о совместном использовании водных ресурсов [ист. 4].

Между тем, говоря о региональном диалоге по Амударье с вовлечением Афганистана, возникают сомнения в реальной, а не декларативной готовности талибов к нему. Для подобных сомнений есть как минимум три причины.

Во-первых, строительство канала уже не остановить, а также невозможно изменить его технические характеристики. В ноябре 2023 г. была введена в эксплуатацию первая часть канала, и талибы полны решимости довести проект до конца [ист. 5]. Что касается технических характеристик, то можно отметить применение устаревших технологий при строительстве этого гидротехнического сооружения. “Куштепа” представляет собой просто большой “арык”, то есть оросительный канал в Центральной Азии, который, как показал печальный опыт строительства Каракумского канала в 1950-х годах, будет приводить к серьезным потерям воды. В Каракумском канале, берега которого не защищены, потери воды оцениваются в 18% общего потока. В результате произошло массовое заболачивание и засоление окружающих земель [ист. 6]. Вряд ли канал “Куштепа” будет отличаться большей эффективностью.

Во-вторых, талибам необходим канал для ввода в эксплуатацию новых сельскохозяйственных земель. Как показывает анализ современной экономики Афганистана, в условиях недостатка внутренних источников дохода и иностранных инвестиций сельское хозяйство остается одним из немногих перспективных ресурсов валютных поступлений. Развитие сельского хозяйства в северных регионах необходимо также для укрепления продовольственной безопасности, поскольку в Афганистане половина населения страны, или почти 20 млн человек, балансирует на грани голода [1]. Ситуацию в экономике ухудшает запрет “Талибана” на выращивание опиумного мака, в результате чего афганские фермеры по-

теряли примерно 1.3 млрд долл. чистого дохода и 450 тыс. рабочих мест [2].

В-третьих, орошение больших площадей земель и создание 250 тыс. новых рабочих мест в северных провинциях необходимы “Талибану” для укрепления своих политических позиций в регионах, в которых преобладают этнические меньшинства в лице узбеков, туркмен и таджиков, бывших традиционной опорой для оппозиционных талибам военно-политических сил.

По всей видимости, в Узбекистане понимают, что правила “водной игры” в регионе менялись и теперь нужно иметь дело с новой реальностью. На это указывает объявление 2024 г. в стране “периодом перехода на чрезвычайный режим работы по экономии воды”. Основными причинами названы изменение климата и сложная ситуация по управлению трансграничными реками. Программа перехода предусматривает радикальное снижение потерь воды в сельском хозяйстве посредством реализации программы бетонирования каналов.

По официальным данным, в Узбекистане 90% водных ресурсов, или 46 млрд м³, потребляется в сельском хозяйстве. На орошение 1 га хлопкового поля в год тратится 10–11 тыс. м³ воды, что в 2–3 раза больше, чем в странах со схожими климатом и почвой. Во многом это связано с тем, что в ирригационных системах с естественным покрытием в среднем теряется 14 млрд м³ в год, или 36% поступающей воды. Наиболее высокий процент потерь наблюдается в Каракалпакстане (43%), а также в Наманганской (40%), Навоийской (38%), Хорезмской (38%) и Бухарской (37%) областях. Потери узбекской экономики от нерационального использования воды составляют 5 млрд долл. в год [ист. 7].

Как будет решать “вызов Куштепы” Туркменистан, пока сложно сказать, но принимать какие-то масштабные меры по перестройке системы потребления воды в направлении повышения ее эффективности ему придется. Туркменистан является мировым лидером по неэффективности использования воды. На 1 жителя в среднем расходуется более 16 тыс. л воды в день, что в 4 раза выше, чем в США, 15 раз — в Китае и 14 раз — в России. Преимущественно пустынный Туркменистан тратит больше воды в год, чем находящаяся в более благоприятном климате крупнейшая экономика ЕС Германия [ист. 6].

Помимо появившихся водных проблем с Центральной Азией, у талибов сложилась сложная ситуация с Ираном вокруг использования вод реки Гильменд, что приводит к периодическим вооруженным столкновениям на границе, резким заявлениям официальных лиц и в целом осложнению политического климата в двусторонних отношениях. Истоки реки Гильменд лежат на территории Афганистана в горном массиве Гиндукуш. Ее протяженность — 1150 км. Река впадает в озеро Хамун, расположенное на территории Ирана. Гильменд играет важнейшую роль для сельского хозяйства двух стран.

Афгано-иранская водная проблема берет свое начало с 1940-х годов, когда Кабул стал активно строить на Гильменде плотины с целью увеличения площади орошаемых земель и реализации программы перевода кочевых племен на оседлый образ жизни. Афганистан и Иран в 1973 г. подписали договор о совместном использовании водных ресурсов, по которому Тегеран получал 820 млн м³ в год, но он не был ратифицирован [ист. 8]. В феврале 2021 г. еще при правительстве Ашрафа Гани стороны подписали дополнительное соглашение, основанное на договоре 1973 г., но и оно не разрешило имеющихся противоречий [ист. 9].

В последние годы обострению водной проблемы способствовала затяжная засуха, которая нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству Ирана и экосистеме озера Хамун. В этой связи Тегеран стал настаивать на получении своей водной доли, в то время как афганская сторона утверждала, что у нее просто недостаточно воды, чтобы обеспечить наращивание поставок в Иран [3]. Это вызвало подозрение иранской стороны в нежелании талибов предоставлять ей ее долю. В мае 2023 г. агентство *IRNA* опубликовало снимки реки Гильменд, сделанные иранским спутником “Хайям”, показавшие, что водохранилища за плотинами Каджаки и Камаль-Хан заполнены почти на 80%. Это опровергало заявления афганских властей о нехватке воды [ист. 10]. Тегеран также в мае 2023 г. попросил “Талибан” допустить техническую делегацию для измерения уровня воды в Гильменде, но получил отказ [ист. 11].

Все это в итоге привело к тому, что президент Ирана Ибрагим Раиси во время посещения провинции Систан и Белуджистан на границе с Афганистаном обвинил ИЭА в нежелании предоставить ИРИ ее долю воды Гильменда, хотя она

имеется в достаточном объеме. Он заявил, что афганские власти должны серьезно отнестись к его словам [3]. Возросшее напряжение в итоге стало причиной “словесной войны” и вооруженного столкновения на афгано-иранской границе 27–28 мая 2023 г., в результате которого были жертвы с обеих сторон. Однако это не приблизило разрешение спора, и, скорее всего, водная проблема между Ираном и “Талибаном” вокруг реки Гильменд останется точкой напряженности в обозримом будущем, осложняя геополитическую и экономическую ситуацию в регионе.

ОБОСТРЕНИЕ ПРОБЛЕМ В ОТНОШЕНИЯХ С ПАКИСТАНОМ

Целую систему вызовов порождают нынешние отношения движения “Талибан” и Пакистана, которые находятся на сложном этапе развития. Известно, что Пакистанская межведомственная разведка всегда имела тесные связи с “Талибаном” и оказывала движению обширную поддержку в его военном противостоянии с Северным альянсом. Пакистан был в числе трех государств мира, наряду с Саудовской Аравией и ОАЭ, официально признавших ИЭА Муллы Омара. Разгромленные в 2001 г. талибы нашли убежище именно на пакистанской территории, где смогли восстановить свой потенциал и начать длившуюся почти два десятилетия партизанскую и диверсионную войну против афганской армии и поддерживавшего ее международного контингента. Вполне очевидно, что возрождение талибов и их победа в немалой степени стали следствием помощи со стороны Пакистана [4].

Последовательность, с которой Исламабад оказывал поддержку талибам, даже рискуя войти в противостояние с США, поднимает вопрос о ее причинах. Как представляется, эта поддержка была элементом более обширной национальной и региональной политики Пакистана с момента его основания. Она опирается на два взаимосвязанных и в то же время взаимоисключающих фактора — обеспечение стратегической глубины в противостоянии с экзистенциальным врагом в лице Индии и в предотвращении сепаратизма и национализма со стороны пакистанских пуштунов и белуджей, что делает Пакистан уязвимым перед лицом пуштунских националистов Афганистана и потенциально Дели.

Чтобы разрешить противоречие между целями обеспечения стратегической глубины и пре-

дотворачивания рисков участия афганских властей в поддержке пуштунского и белуджского сепаратизма в Пакистане, в том числе и в сотрудничестве с Индией, у Исламабада не оставалось иного выхода, кроме как активно участвовать во внутриафганских делах, а также работать с пакистанскими и афганскими пуштунами и белуджами по переориентации их идеологических приоритетов с идеи Великого Пуштунистана и Белуджистана на идеи джихада. Именно этим во многом обусловлен ярко выраженный крен Пакистана в сторону поддержки афганских религиозных группировок. Исламабад в 1970-е годы поддерживал афганскую фундаменталистскую организацию “Мусульманская молодежь”, а также группировки моджахедов, воевавших против Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) в 1978–1993 гг. [5]. С 1994 по 2021 г. Пакистан оказывал массированную поддержку фундаменталистскому движению “Талибан”, ставившему своей целью построение исламского государства на территории Афганистана.

Все прошедшие десятилетия пакистанская политика по идеологическому сдерживанию пуштунского национализма была успешной. Однако возвращение “Талибана” к власти в 2021 г. поставило Исламабад перед сложнейшей дилеммой. Ее суть заключается в том, что пакистанское руководство пока не может с абсолютной точностью предсказать, как дальше будет развиваться идеологическая политика талибов — будут ли они строго придерживаться только исламской идеологии или добавят к ней элементы пуштунского национализма, если и не внутри страны, то в отношении Пакистана, что будет предполагать также сближение Кабула с Индией.

Нужно отметить, что многие пуштунские националисты в последние годы возлагали большие надежды на “Талибан”, считая его шансом на возвращение исторического доминирования пуштунов в Афганистане. Так, Анвар Уль-Хак Ахади, бывший министр финансов и торговли в правительстве Карзая и влиятельный пуштунский мыслитель, полагал, что падение правительства Наджибуллы в 1992 г. было не просто окончанием коммунистической эры в Афганистане, но и концом пуштунского доминирования в политике страны. Поэтому возвышение талибов породило оптимизм среди пуштунов в отношении возможности обратить вспять их упадок [6].

Если предположить, что современные талибы как единственная правящая сила в Афгани-

стане будут придерживаться в своей политике представлений о политическом реализме, то они должны будут наращивать свою мощь в отношениях с Пакистаном, тем более что они прекрасно знают особенности пакистанской политики на афганском направлении и активно стремятся избавиться от имиджа “пакистанской марионетки”. Это означает, что “Талибан” предположительно может использовать в качестве ресурса пуштунский национализм, а также свои связи с джихадистскими группировками внутри Пакистана. Позиция талибов по водному вопросу в отношениях с Ираном и Центральной Азией дает основание предполагать, что, как минимум, часть элиты талибов начинает следовать постулатам политического реализма, а это может иметь далеко идущие последствия для всех, включая Пакистан.

Первые признаки политического реализма в действиях “Талибана” показывает его позиция по линии Дюранда. Наиболее жесткие заявления пока звучали со стороны исполняющего обязанности министра обороны Мавлави Мохаммад Якуба Муджахиды, сына основателя “Талибана” Муллы Омара. В феврале 2022 г., говоря о возведении Пакистаном в одностороннем порядке 2.600-километровой стены вдоль пакистано-афганской границы, он заявил, что Исламский Эмират Афганистан не позволит Исламабаду продолжать строительство ограждения вдоль линии Дюранда [ист. 12]. Более того, он назвал ее “воображаемой линией” [ист. 13].

Талибы в афгано-пакистанском приграничье уже воспринимаются как защитники пуштунов. Именно к ним направлены жалобы восточных пуштунов на действия Пакистана в приграничных районах, наносящие ущерб родственным и торговым связям, поскольку многие кланы и племена живут по обе стороны границы [7]. Реакция со стороны талибов зачастую приводит к вооруженным столкновениям между афганскими и пакистанскими пограничниками, как это было в декабре 2022 г., что в свою очередь создает предпосылки для усиления внутри “Талибана” пуштунских националистических настроений, тем более что ядро движения составляют этнические пуштуны.

Что касается ресурса джихадистских группировок, действующих против Пакистана, то есть основания полагать, что “Талибан” завуалированно уже может его использовать. Это показывает ситуация вокруг “Техрик-е Талибан Паки-

стан” (ТТП), террористической группировки, основанной в 2007 г. Байтуллою Мехсудом в граничащей с Афганистаном федерально управляемой территории племен Пакистана. Целью ТТП является борьба против “прозападного” правительства Пакистана и установление в этой стране формы правления на основе принципов шариата. ТТП идеологически близок к афганскому “Талибану”. Именно пакистанские талибы были первыми, кто официально отпраздновал захват талибами Кабула в 2021 г., объявив его “великой победой джихадистского проекта”. Эмир ТТП Муфтий Нур Вали Мехсуд публично подтвердил клятву своей группировки на верность эмиру “Талибана” Хайбатулле Ахундзаде и пообещал продолжать безоговорочную поддержку афганского движения [8].

Говоря о возможной связи властей ИЭА и ТТП, эксперты отмечают синхронизацию прихода талибов к власти и резкую активизацию подрывной и террористической деятельности ТТП в Пакистане. Подчеркивается, что после августа 2021 г. ТТП серьезно укрепила свою организационную структуру и военно-техническую оснащенность, а также расширила местную базу поддержки на афганской территории. Это позволило пакистанским талибам резко нарастить террористическую активность в западных приграничных районах Пакистана. Статистика показывает, что количество заявленных ТТП атак более чем утроилось в период с 2020 по 2022 г. по сравнению с предыдущими двумя годами [9].

В 2023 г. статистика нападений боевиков ТТП для Пакистана не улучшилась. Только в провинции Хайбер-Пахтунхва произошло более 300 нападений, ответственность за которые взяли на себя пакистанские талибы [10]. Кроме того, в 2023 г. погибло 500 мирных жителей и столько же сотрудников сил безопасности, что является самым высоким показателем смертности в стране за шесть лет [9].

За последние два года ТТП смог закрепить в таких стратегически важных регионах Пакистана, как Северный Вазиристан и известная своими сепаратистскими настроениями провинция Белуджистан, где к ним присоединились четыре белуджские группировки [8].

Росту потенциала ТТП способствует приток в его ряды боевиков из афганского “Талибана”, которые остаются верными идеям джихада, а также пакистанских граждан, ранее воевавших на стороне талибов против войск США и прави-

тельства Ашрафа Гани, несмотря на то, что публично новые афганские власти их отговаривают от войны против Пакистана. Попытки Исламабада запустить переговорный процесс с ТТП при посредничестве исполняющего обязанности министра внутренних дел Сираджуддина Хаккани не увенчались успехом. Примечательно, что в ответ на предложение пакистанских властей о всеобщей амнистии боевикам при условии, что они сложат оружие и вернуться к нормальной жизни, ТТП выступил с ответным требованием к правительству Пакистана об установлении шариата в стране [11]. Это говорит о том, что ТТП чувствует изменение правил игры после прихода к власти в Афганистане “Талибана” и это дает ему уникальную возможность использования фактора “стратегической глубины” [8].

По всей видимости, угроза со стороны ТТП становится долговременной для Исламабада, и сделать пока он ничего не может, так как ИЭА “отстраняется” от решения проблемы, считая, что она имеет внутриафганские причины. Диапазон ответных действий Исламабада не очень широк и может включать три ключевые меры воздействия на Кабул.

Первой мерой может стать оказание давления на Кабул по линии афганских беженцев, численность которых оценивалась до недавнего времени примерно в 3 млн человек. Исламабад в октябре 2023 г. показал, что готов использовать этот рычаг давления на “Талибан”. Пакистанские власти предписали до 1 ноября 2023 г. покинуть страну 1,7 млн нелегальных афганских беженцев [12]. Официальный Исламабад не стал скрывать причины. Как заявил на пресс-конференции исполняющий обязанности премьер-министра Пакистана Анвар Уль-Хак Какар, “после отказа от сотрудничества со стороны временного правительства Афганистана Пакистан решил взять дело в свои руки” [ист. 14].

Второй мерой воздействия является давление на осуществление торговых операций и транспортных перевозок с участием представителей афганского бизнеса. Значительная часть доходов населения приграничных районов зависит от торговли с восточным соседом, и Исламабад периодически использует этот инструмент давления.

Третьей мерой воздействия Пакистана на “Талибан” может стать сотрудничество с США в области безопасности. Исламабад стремится вовлечь США в свои проблемы с талибами

и ТТП, о чем говорит состоявшийся в декабре 2023 г. визит командующего пакистанской армии генерала Асима Мунира в Вашингтон, в ходе которого он встретился с высокопоставленными представителями американских ВС и спецслужб, а также министром обороны Ллойдом Остином [ист. 15]. Однако, судя по всему, США пока не готовы начинать новую большую “афганскую игру”, будучи занятыми на других направлениях противостояния с Россией, Ираном и Китаем. Тем не менее можно предположить, что Исламабад все же не прекратит попыток заручиться американской поддержкой для наращивания давления на Кабул.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Возвращение талибов к власти в Афганистане ознаменовало собой не только изменение военно-политического расклада сил в системе региональной безопасности, но и коренное изменение идеологической карты региона. Для Центральной Азии это означает, что все приграничное пространство к югу от нее превратилось в полноценный “фундаменталистский пояс”, состоящий из шиитского Ирана и суннитского Исламского Эмирата Афганистан.

Кроме того, для всех сторонников модернизации и ее очередного этапа в виде четвертой промышленной революции с ее новой волной созидательного разрушения и технологической сингулярностью фундаментализм талибов означает, что Афганистан в своем мировоззрении вновь откатывается назад в средневековье. Приход талибов также символизирует собой очередной провал попытки модернизации Афганистана, которых было несколько в XX и в первых десятилетиях XXI в.

Как известно, первая попытка модернизации была запущена эмиром Амануллой-ханом, который после обретения Афганистаном независимости в 1919 г. по итогам третьей англо-афганской войны попытался трансформировать глубоко традиционалистское общество этой страны. Его усилия потерпели неудачу. Восстание консервативных сил привело к свержению Амануллы-хана в 1929 г. и установлению кратковременной реакционной власти эмира Хабибуллы (Бачаи Сакао).

Вторая попытка модернизации была связана с именем короля Мухаммеда Захир-шаха и охватывала период с 1933 по 1973 г. В афганской

национальной памяти она получила название “Золотого века”. Однако именно в этот период закладываются основы для будущего кризиса. Их было три.

Во-первых, это амбиции родственника короля Мохаммеда Дауда, занимавшего пост премьер-министра в 1953–1964 гг. Он сверг Захир-шаха в 1973 г., но сам не принял титул короля, а стал президентом Афганистана, тем самым открыв ящик Пандоры через десакрализацию традиционной системы управления афганским обществом, во главе которой стоял шах как “тень Аллаха на земле”. Во-вторых, рост популярности левых идей, представленных сторонниками марксизма-ленинизма, сформировавшими Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА) и ее два крыла — Парчам и Халк, а также сторонниками маоизма. В-третьих, распространение исламских фундаменталистских идей как реакции на модернизацию и активность левых сил. Авангардом консерваторов стала “Мусульманская молодежь”.

Все три силы находились в идеологическом противостоянии друг с другом, что не могло не вылиться в силовое противостояние, из которого временным победителем вышла НДПА, совершившая в апреле 1978 г. военный переворот, известный как “Апрельская революция”. Это событие ознаменовало собой, с одной стороны, третью попытку модернизации с опорой на ресурсы Советского Союза, а с другой — начало гражданской войны, где противником модернистов выступили религиозные фундаменталисты и традиционалисты, тыловые базы которых находились в Пакистане и Иране. В итоге именно фундаменталисты вышли победителями, свергнув последнего президента НДПА Мохаммеда Наджибуллу в 1992 г.

Четвертая попытка модернизации была запущена в Афганистане после свержения “Талибана” в 2001 г. и проводилась в период президентства Хамида Карзая и Ашрафа Гани при масштабной финансовой и технической поддержке США и их союзников. Несмотря на критику афганской политической системы тех лет за коррупцию и неспособность справиться с индустрией производства наркотиков, все же нужно отметить, что в области образования, которая является ключевой для модернизации страны, Афганистан сумел достичь неплохих результатов.

В период с 2001 по 2021 г. уровень грамотности в стране вырос с 8 до примерно 43% [13].

До 2002 г. количество учеников в государственных школах оценивалось в 1 млн человек или меньше, при этом почти все были мальчиками. Но уже в 2019 г. в школу было зачислено более 9 млн детей, из которых более 3.5 млн составляли девочки [ист. 16]. По состоянию на май 2021 г. в Афганистане число учащихся выросло до 9.7 млн. Конечно, отмечались нехватка учителей (всего работало 220 тыс. учителей в 2021 г.) и недостаточно высокий уровень их квалификации, особенно в регионах, однако сам образовательный процесс в стране начался [ист. 17].

Была модернизирована система высшего образования на базе нескольких университетов, часть из которых появилась во времена короля Мухаммеда Нодир-шаха (Кабульский университет), короля Захир-шаха (Кабульский политехнический университет и Кундузский университет) и НДПА (Балхский, Гератский, Кандагарский и Бадахшанский университеты). Открылось несколько государственных и частных университетов во времена президентства Карзая и Гани. Однако возвращение талибов к власти поставило под угрозу эти хрупкие достижения. Одним из первых решений “Талибана” в 2021 г. стало введение запрета на получение девушками среднего образования, что мотивировалось разработкой талибами женского дресс-кода и новых учебных программ, соответствующих “исламским ценностям” в интерпретации “Талибана”.

Понимание идеологических подходов талибов к системе образования в Афганистане дает анализ высказываний некоторых высших должностных лиц. В августе 2021 г. Абдул Баки Хаккани, член сети Хаккани, который был министром высшего образования “Талибана” до 17 октября 2022 г., заявил, что народ Афганистана продолжит свое высшее образование в свете исламского права [14]. Согласно Мавлави Нурулле Муниру, занимавшему должность министра образования до 26 сентября 2022 г., «не доктор философии, или степень магистра ценны сегодня. Вы видите, что среди мулл и представителей “Талибана”, находящихся у власти, нет докторов наук, магистров или даже выпускников средней школы, но они величайшие из всех» [15].

В декабре 2022 г. исполняющий обязанности министра высшего образования Неда Мохаммад Надим, комментируя свое решение запретить женщинам посещать университеты, заявил, что “девочки изучали сельское хозяйство и инженерное дело, но это не соответствовало афган-

ской культуре. Девочки должны учиться, но не в тех областях, которые противоречат исламу и чести Афганистана” [ист. 18]. По вопросу равенства мужчин и женщин, одного из ключевых постулатов модерна, Неда Мохаммад Надим на митинге в Багланском университете прямо отметил, что они не равны. По его словам, “мужчина — правитель, у него есть власть, ему должны подчиняться, и женщина должна принять его мир. Женщина не равна мужчине; однако они (западные нации), поставили ее выше мужчины” [ист. 19].

Особенностью образовательной политики “Талибана” также становится расширение сети религиозных учебных заведений. Правительство ИЭА, в частности, сообщило о планах построить в каждой провинции по одному большому медресе и в каждом округе (*вулусвали*) от 3 до 10 джихадистских семинарий [16]. Кроме того, талибы создали религиозную полицию и специальные исламские комитеты в университетах для работы со студентами, одновременно объявив, что направят 15 тыс. мулл для борьбы с западными идеями, которая рассматривается как одна из важнейших целей их правления [17].

Антимодернизм талибов очевиден, и систему образования на данном этапе они рассматривают с точки зрения приоритета маскулинности и практичности, то есть подготовки кадров для решения текущих социально-экономических задач. Учитывая, что “джихадистское” поколение, вероятнее всего, будет еще довольно долго находиться у власти, можно предположить, что курс на приоритет религиозных знаний над светскими становится долговременным. Это, в свою очередь, ставит вопрос о влиянии идеологических процессов в Афганистане на Центральную Азию, где также идут сложные идентификационные трансформации, характеризующиеся усилением постсекулярных трендов.

Проблема состоит в том, что регион Центральной Азии сам не порождает идентификационных моделей на экспорт, а, наоборот, является объектом внешнего идентификационного воздействия. В настоящий момент в регионе активно действует несколько внешних идентификационных моделей — западные, дубайская и неоосманская, а также ближневосточные исламские консервативные и фундаменталистские. Идеологию талибов Афганистана в этом ансамбле можно считать одной из вариаций консервативных и фундаменталистских моделей, что, в свою оче-

редь, создает определенные предпосылки для ее возможного влияния на умы почитателей подобного типа мышления и ценностей в странах ЦА.

ВЫВОДЫ

Отсутствие у талибов в Афганистане серьезной оппозиции говорит о том, что их власть становится долговременным фактором формирования политических, экономических, торговых и идеологических процессов на обширных пространствах Центральной и Южной Азии, Ближнего Востока. Причем Исламский Эмират Афганистан пытается выработать свою модель встраивания в данные процессы в качестве полноценного субъекта, пытаясь нарастить свой совокупный потенциал посредством не только развития сотрудничества с другими акторами, но и приобретения инструментов воздействия на них.

Подобным инструментом становится контроль над водными ресурсами в отношениях с Ираном и странами ЦА, учитывая, что такие важные реки, как Гильменд, Герируд и Мургаб, полностью формируются на территории Афганистана, а Амударья — почти на 14.5% [18]. В от-

ношениях с Пакистаном потенциальным инструментом воздействия могут стать пуштунский и белуджский национализм, а также сложности Исламабада по противодействию ТТП. Очевидно, что странам Центральной Азии, Ирану и Пакистану на политический реализм талибов тоже есть чем ответить, тем более что Афганистан очень серьезно зависит от импорта промышленной продукции и транзитных транспортных коммуникаций своих соседей.

Принимая все это во внимание, можно сказать, что возможны только два направления развития отношений между странами региона и ИЭА — это или практическое сотрудничество, но с высоким уровнем как завуалированного, так и публично выражаемого взаимного недоверия, или выстраивание открытых, доверительных отношений, при которых стороны учитывают опасения и проблемы друг друга, стараясь их решать в форме дву- и многостороннего диалога. “Талибан” и регион спустя три года все еще стоят перед данной дилеммой, и от того, какой из двух вариантов в итоге возобладает, будет напрямую зависеть структура всей новой системы региональной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Sinno A. Afghans stave off starvation in the face of economic sanctions. *Relief Web*, 05.09.2023. Available at: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghans-stave-starvation-face-economic-sanctions> (accessed 12.01.2024).
2. Gupta K. Afghan farmers struggle to adapt to Taliban's opium ban by Kanika Gupta. *Nikkei*, 24.07.2023. Available at: <https://asia.nikkei.com/Business/Agriculture/Afghan-farmers-struggle-to-adapt-to-Taliban-s-opium-ban> (accessed 12.01.2024).
3. Mayar M.A., Shapour R. The long winding river: Unravelling the water dispute between Afghanistan and Iran. *Afghanistan Analysts Network*, 20.11.2023. Available at: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2023/11/Helmand-Water-FINAL.pdf> (accessed 12.01.2024).
4. Riedel B. Pakistan, Taliban and the Afghan Quagmire by Bruce Riedel. *Brookings*, 24.08.2013. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/pakistan-taliban-and-the-afghan-quagmire/> (accessed 14.01.2024).
5. Лалетин Ю.П. Афгано-пакистанские отношения и джирга мира. *Азия и Африка сегодня*, 2008, № 5, сс. 60-64. Laletin Yu.P. Afghan-Pakistani relations and the peace jirga. *Asia and Africa today*, 2008, no. 5, pp. 60-64. (In Russ.) Available at: <https://mgimo.ru/library/publications/138813/> (accessed 14.01.2024).
6. Sarwar A.R. Ashraf Ghani and the Pashtun Dilemma by Ali Reza Sarwar. *The Diplomat*, 18.01.2015. Available at: <https://thediplomat.com/2015/01/ashraf-ghani-and-the-pashtun-dilemma/> (accessed 14.01.2024).
7. Mohmand R.S. The Durand Line: A British legacy that fuels new tensions between Pakistan and Afghanistan. *Arab News*, 07.07.2023. Available at: <https://www.arabnews.pk/node/2333766> (accessed 14.01.2024).
8. Saeyd A., Hamming T. The Tehrik-i-Taliban Pakistan after the Taliban's Afghanistan Takeover. *Combating Terrorism Center at West Point*, 2023, vol. 16, no. 5, pp. 1-12. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2023/05/CTC-SENTINEL-052023.pdf> (accessed 14.01.2024).
9. Shah S.S.H., Mahmood A., Kamran M. Resurrection of Tehrik-e-Taliban Pakistan Amidst Afghan Regime's Indifference: Threats to Intersectional Security Strands in the Region. *Social Inclusion*, 2024, vol. 12, art. 8598, pp. 1-20. Available at: <https://doi.org/10.17645/si.8598>
10. Hussain A. Taliban's ties with Pakistan fraying amid mounting security concerns. *Al-Jazeera*, 17.08.2023. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/8/17/talibans-ties-with-pakistan-fraying-amid-mounting-security-concerns> (accessed 14.01.2024).

11. Mehsud R. Pakistani Taliban reject amnesty offer unless Islamic law imposed by Rehmat Mehsud. *Arab News*, 19.09.2021. Available at: <https://www.arabnews.com/node/1931331/world> (accessed 14.01.2024).
12. Aamir A. Pakistan intends to deport 1.7 million Afghans. *Relief Web*, 09.10.2023. Available at: <https://reliefweb.int/report/pakistan/pakistan-intends-deport-17-million-afghans> (accessed 26.11.2024).
13. Debre I. Counting the costs of America's 20-year war in Afghanistan. *Associated Press News*, 30.04.2021. Available at: <https://apnews.com/article/asia-pacific-afghanistan-middle-east-business-5e850e5149ea0a3907cac2f282878dd5> (accessed 26.11.2024).
14. Rezai H. The Taliban Rule and the Radicalisation of Education in Afghanistan. *Global Campus of Human Rights*, 24.11.2022. Available at: <https://gchumanrights.org/preparedness-children/article-detail/the-taliban-rule-and-the-radicalisation-of-education-in-afghanistan-4945.html> (accessed 15.01.2024).
15. Chaturvedi A. Taliban's new education minister says PhD, Master's degrees 'not valuable'. *Hindustan Times*, 08.09.2021. Available at: <https://www.hindustantimes.com/world-news/talibans-new-education-minister-says-phd-master-s-degree-not-valuable-101631085275474.html> (accessed 15.01.2024).
16. Mohammadi G.H. Jihadi Seminaries Under the Taliban: A Looming Threat. *The Diplomat*, 05.01.2024. Available at: <https://thediplomat.com/2024/01/jihadi-seminaries-under-the-taliban-a-looming-threat/> (accessed 26.11.2024).
17. ۱۰.۳.۱۴۰۱، صبح ۸. طالبان و مبارزه با تفکر غربی. *ابومسلم خراسانی*. Khorasani A.M. Taliban and the fight against Western thought. *8 AM Media*, 31.05.2022. (In Dari) Available at: <https://8am.media/the-taliban-and-the-fight-against-western-thought/> (accessed 17.01.2024).
18. Бояркина О.А. Афганистан в политике Центральной Азии на реке Амударья. *Международные отношения*, 2017, № 4, сс. 29-35.
Boyarkina O.A. Afghanistan in the politics of Central Asia on the river Amu Darya. *International Relations*, 2017, no. 4, pp. 29-35. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0641.2017.4.19492

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. Не было печали: станет ли строительство канала Куштепа катастрофой для Узбекистана? *Kun.uz*, 10.06.2023.
There was no sadness: will the construction of the Qoshtepa canal be a disaster for Uzbekistan? *Kun.uz*, 10.06.2023. (In Russ.) Available at: <https://kun.uz/ru/news/2023/06/10/ne-bylo-pechali-stanet-li-stroitelstvo-kanala-kushtepa-katastrofoy-dlya-uzbekistana> (accessed 12.01.2024).
2. В Афганистане завершено строительство первого участка канала Коштепа. *Gazeta.uz*, 12.10.2023.
In Afghanistan, construction of the first section of the Qoshtepa Canal has been completed. *Gazeta.uz*, 12.10.2023. (In Russ.) Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/10/12/qoshtepa-canal/> (accessed 12.01.2024).
3. Узбекистан и Афганистан обсудили канал Коштепа, торговлю, транспорт и права женщин. *Gazeta.uz*, 23.03.2023.
Uzbekistan and Afghanistan discussed the Qoshtepa canal, trade, transport and women's rights. *Gazeta.uz*, 23.03.2023. (In Russ.) Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/23/afghanistan/> (accessed 12.01.2024).
4. Мирзиёев: афганский канал Куштепа может кардинально изменить водный баланс в ЦА. *Sputnik News*, 15.09.2023.
Mirziyoyev: The Afghan Qoshtepa canal can radically change the water balance in Central Asia. *Sputnik News*, 15.09.2023. (In Russ.) Available at: <https://uz.sputniknews.ru/20230915/mirziyoyev-afganistan-kanal-koshtepa-sammit-38994333.html> (accessed 12.01.2024).
5. Taliban commission first section of major canal that could threaten water sufficiency of Central Asia neighbours. *IntelliNews*, 12.10.2023. Available at: <https://www.intellinews.com/taliban-commission-first-section-of-major-canal-that-could-threaten-water-sufficiency-of-central-asia-neighbours-296728/> (accessed 12.01.2024).
6. Turkmenistan. *Food and Agriculture Organization*. Available at: <https://www.fao.org/4/W6240E/w6240e18.htm#:~:text=The%20water%20loss%20from%20the,salinization%20of%20the%20surrounding%20land> (accessed 26.11.2024).
7. Президент объявил 2024 год периодом перехода на чрезвычайный режим работы по экономии воды в Узбекистане. *Gazeta.uz*, 30.11.2023.
The President declared 2024 a period of transition to an emergency mode of work to save water in Uzbekistan. *Gazeta.uz*, 30.11.2023. (In Russ.) Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/11/30/water/> (accessed 12.01.2024).
8. *The Afghan-Iranian Hilmand-River Water Treaty*. International Water Law, 1973. Available at: https://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/1973_Helmand_River_Water_Treaty-Afghanistan-Iran.pdf (accessed 12.01.2024).
9. *Iran and Afghanistan Clash over Water Rights*. United States Institute of Peace, 30.05.2023. Available at: <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/may/30/iran-and-afghanistan-clash-over-water-rights> (accessed 12.01.2024).

10. Спутниковые снимки опровергли заявление Афганистана о количестве воды за плотинами Каджаки и Камал Хан. *Pars Today*, 23.05.2023.
Satellite images have refuted Afghan claims about the amount of water behind the Kajaki and Kamal Khan dams. *Pars Today*, 23.05.2023. (In Russ.) Available at: https://parstoday.ir/ru/news/west_asia-i182472-Спутниковые_снимки_опровергли_заявление_Афганистана_о_количестве_воды_за_плотинами_Каджаки_и_Камал_Хан (accessed 12.01.2024).
11. Амир-Абдуллахиян: Талибы не позволили технической делегации Ирана измерить уровень воды Гильменд. *Pars Today*, 19.05.2023.
Amir-Abdullahian: The Taliban did not allow the Iranian technical delegation to measure the Helmand water level. *Pars Today*, 19.05.2023. (In Russ.) Available at: https://parstoday.ir/ru/news/iran-i182218-Амир_Абдуллахиян_Талибы_не_позволили_технической_делегации_Ирана_измерить_уровень_воды_Гильменд (accessed 12.01.2024).
12. Islamic Emirate: We Have Not Allowed More Fencing on Durand Line. *Tolo News*, 18.02.2022. Available at: <https://tolonews.com/afghanistan-176733> (accessed 14.01.2024).
13. The Durand line dispute between Afghanistan and Pakistan has remained a contentious issue for over a century. *Satyaagrah*, 19.06.2023. Available at: <https://satyaagrah.com/global/global-politics/2937-durand> (accessed 14.01.2024).
14. Pakistan PM says expulsion of Afghans a response to Taliban non-cooperation. *Reuters*, 08.11.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/pakistan-pm-says-expulsion-afghans-response-taliban-non-cooperation-2023-11-08/> (accessed 14.01.2024).
15. COAS meets US Defence Secretary in Washington. *The Express Tribune*, 14.12.2023. Available at: <https://tribune.com.pk/story/2450026/coas-meets-us-defence-secretary-in-washington> (accessed 14.12.2023).
16. *Afghanistan, Education. USAID/Afghanistan, 2017–2020*. Available at: <https://2017-2020.usaid.gov/afghanistan/education> (accessed 01.10.2024).
17. Ghani sees threat to Afghanistan's education system. *Pajhwok*, 05.05.2021. Available at: <https://pajhwok.com/2021/05/05/ghani-sees-threat-to-afghanistans-education-system/> (accessed 15.01.2024).
18. Taliban minister defends closing universities to women as global backlash grows. *The Guardian*, 23.12.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/dec/23/taliban-minister-defends-closing-universities-to-women-as-global-backlash-grows> (accessed 17.01.2024).
19. 'Men and women are not equal': Taliban education minister. *Times of India*, 01.10.2023. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/south-asia/men-and-women-are-not-equal-taliban-education-minister/articleshow/104090692.cms?from=mdr> (accessed 17.01.2024).